

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

Арабские сказки

2019
МОСКВА

УДК 398.21(=411.21)

ББК 82.3(0)-6

К53

Перевод с арабского *М. Салье*

Перевод стихов *Д. Самойлова*

Оформление серии *О. Горбовской*

В книге использованы иллюстрации
Леона Карре (1878—1942)

Книга тысячи и одной ночи. Арабские сказки : [пер. с араб. М. Салье]. — Москва : Эксмо, 2019. — 768 с. : ил. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-098602-6

Истории, входящие в «Книгу тысячи и одной ночи» и восходящие к арабскому, иранскому и индийскому фольклору, весьма разнородны по стилю и содержанию. Это калейдоскоп событий и образов давно минувшей эпохи с пестрым колоритом нравов и быта различных слоев во времена багдадского правителя Харун ар-Рашида. Связующим звеном всех сказок является мудрая и начитанная дочь визиря Шехерезада. Спасаясь от расправы Шахрияра, после измены ополчившегося на всех женщин, Шехерезада своими историями отвлекает тирана от мрачных мыслей, прерывая свой рассказ на самом интересном месте и разжигая его любопытство...

Джинны и колдуны, запечатанные тайным словом сокровища, волшебные кольца и светильники, очарованные юноши и лукавые красавицы – таким открывается читателю причудливый, пестрый, загадочный мир арабских сказок.

УДК 398.21(=411.21)

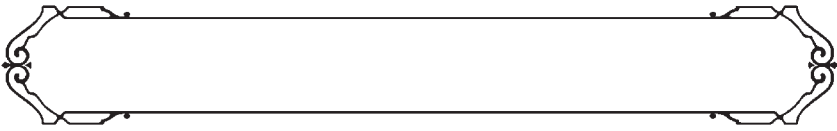
ББК 82.3(0)-6

© Салье М.А., перевод на русский язык.
Наследники, 2019

© Самойлов Д., перевод стихов на русский язык. Наследники, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098602-6

КНИГА ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Джинны и колдуны, запечатанные тайным словом сокровища, волшебные кольца и светильники, очарованные юноши и лукавые красавицы — таким открылся в начале XVIII века Европе причудливый, пестрый, загадочный мир арабских сказок «Тысячи и одной ночи».

Богатство слова и воображения поразили европейского читателя нового времени не меньше, чем пестрота тканей, блеск хрустальных и стеклянных чаш, мерцание стали мусульманских клинков поражали средневековых рыцарей-крестоносцев. Могущественные великаны-ифриты и вылетающие из кувшина черным дымом мятежные духи затмили прозрачных эльфов и фей; герои рыцарских романов и древних легенд словно бы потускнели перед творениями фантазии народов Востока.

Герои сказок «Тысячи и одной ночи» живут не в мрачных замках, чьи замшелые камни сочатся сыростью, не бродят среди полей и дубрав — они нежатся в невиданной роскоши беломраморных дворцов, полы которых устланы бесценными коврами, а кровля облицована червонным золотом, скитаются по Камфарной земле, восходят на чудесную гору Каф, плывут по южным морям к таинственным островам, где зреют говорящие плоды, летят на волшебном коне из черного дерева...

В этой яркости и красочности «Тысячи и одной ночи» — секрет ее популярности в Западной Европе, где осуществлялся один перевод за другим, появлялись переделки и обработки отдельных ее сказок. Восток снова, как в Средние века, возбудил живой интерес. «Восточные мотивы» у Вольтера и Монтескье, «Западно-восточный диван» Гете, захваченного дивным величием Хафиза и Саади, Азра, умирающий от любви у Гейне, сказки на темы «Тысячи и одной ночи» Гауфа, «ориентализм» Байрона, поклоняющийся дьяволу халиф в «Ватек», «арабской сказке» Бекфорда, тонченные андалусские рыцари Абенсераджи Шатобриана — вот лишь наиболее яркие проявления этого интереса, характерного почти для всех предромантиков и романтиков Западной Европы, прозаиков и поэтов.

Не миновала увлечения «восточными» темами и Россия.

И, может быть, лучшим из всех произведений европейских поэтов на «восточные темы» были «Подражания Корану» и «Пророк» Пушкина, сумевшего гениально передать и напряженную эмоциональность, и величавый пафос арабской поэтической образности.

Но «Тысяча и одна ночь», хотя она и была известна русским читателям по вольному переложению Сенковского и по французскому переводу Галлана, не пользовалась в России столь большой популярностью. Восток был близко, он вплотную соприкасался с Россией, был ее частью, внес немалую долю в создание русского фольклора, особенно легенды и сказки. Восток был лишен здесь ореола экзотики. Но, что весьма важно, русская культура тогда была обращена в основном к культуре западной, к передовой европейской философии, эстетике, литературе.

* * *

Что же такое «Тысяча и одна ночь»? Этот вопрос задает себе внимательный читатель, пытающийся разобраться в хитросплетении самых разнородных сюжетов, которые рождаются здесь друг из друга, перебивают друг друга, которые кончаются будто лишь для того, чтобы в несколько измененном виде встретиться в следующем повествовании. Что заключено в обширную рамку рассказа о находчивой Шахраде и жестоком Шахрияре, мстящем за свою поруганную честь?

Бесконечно расширяясь, эта рамка включает в себе целый мир, живущий по своим законам, отражающий жизнь многих поколений разных народов, творчество которых на протяжении нескольких веков вливалось в общее течение великой арабо-мусульманской культуры, питало народную традицию Ирана, Ирака, Сирии и особенно Египта, где свод «Тысячи и одной ночи» получил окончательное оформление.

Попробуем проникнуть в этот мир изнутри, познать его закономерности, противоречия, неминуемые в столь сложном единстве.

Посмотрим сначала, что говорит сказочник об устройстве Земли. Земля — это плоский диск, находящийся на рыбе. Диск окружен великим горным хребтом Каф, за которым простирается Камфарная земля, где находится слияние соленых и пресных вод, разделяемых ангелами. Один из ангелов восседает на самой высокой вершине гор Каф, сжимает в руке жилы земли, и если он встряхнет их, случается землетрясение. Особый ангел ведает великой рекой — «благословенным Нилом». Он следит за тем, чтобы уровень Нила всегда был один и тот же, чтобы разлив его животворных вод приходился всегда на одно и то же время года. Истоки великой реки Нил находятся под хрустальным куполом у горы Каф, откуда вытекают также реки Евфрат, Джейхун (Аму-Дарья) и Сайхун (Сыр-Дарья).

Под диском земли находится огромная змея, проглотившая, по приказанию Аллаха, геенну огненную, и пасть этой змеи всегда открыта для грешников.

На вершине горы Каф живут многочисленные племена джиннов — существ, сотворенных из огня. Одни из них — неверные, другие — мусульмане, и «джинны-мусульмане» постоянно ведут священную войну со своими соседями-язычниками.

Напротив горы Каф, на другом конце мира (правда, мир круглый, но это не смущает сказителя), находится страна сокровищ, а еще дальше, за высокой стеной, обитают таинственные племена Яджудж и Маждуж, которые упоминались еще в Библии, как Гог и Магог.

В таком виде — продолжает сказочник — мир будет существовать до Судного дня, когда архангел вострубит в трубу и мертвые восстанут из могил. А что будет дальше — об этом слушатель знает из священной книги — Корана. Конечно же, грешники — богатые, жадные, скупые — попадут в геенну огненную, а хорошие и добрые люди войдут в райские кущи.

Но тут со сказочником, рассказывающим о похождениях Булукии, вступает в спор ученая невольница Таваддуд, посрамившая знаниями и красноречием всех знаменитых ученых в присутствии самого халифа Харуна ар-Рашида. Нет — говорит она — мир устроен не совсем так. Он круглый, а над ним вращаются семь сфер, несущие семь планет.

Таваддуд не упоминает о горе Каф и о хрустальном источнике — она ведь училась географии и знает, что реки Сайхун и Джайхун, Евфрат и Нил находятся далеко друг от друга, она может даже начертить карту, где мы, правда, с трудом, узнаем контуры Средиземного моря, Аравийского полуострова, островов Индийского океана.

Таваддуд не скажет ни слова об островах Вак, где плоды, имеющие вид людей и животных, прославляют Аллаха, она будет утверждать, что это рассказы «невежественного простонародья». Она не будет подробно описывать строение ада, со средневековой «точностью» перечисляя семьдесят тысяч огненных долин, в каждой из которых семьдесят тысяч огненных городов, в каждом из которых семьдесят тысяч огненных крепостей, огненных лож, видов пыток — и все это только в верхнем слое ада!

Зато она педантично назовет имена каждого из семи кругов геенны огненной, известные богословам так же хорошо, как число букв в каждом стихе Корана. Но и Таваддуд согласится со сказителем, ведущим рассказ о Булукии, что на севере находится Море мрака, где жизнь невозможна. И хотя Таваддуд знает, как некоторые мусульманские ученые, что Земля имеет форму шара, но все же изобразит на своей карте «окружающее море» — омывающий обитаемую часть земли Мировой океан, заменивший горный хребет Каф.

Так сливаются в мире «Тысячи и одной ночи» средневековая ученая и народная традиции, так создается космогония, где сплелись народные мифологические представления о мире с научными, или близкими к научным, воззрениями мусульманских ученых, основывающиеся главным образом на системе Птолемея.

Сказки уносят нас то в Багдад, Басру, Дамаск, Каир, Андалусию, то в Медный город или во владения Синего царя джиннов. Но повсюду, идет ли речь о простых людях — ремесленниках, купцах, путешественниках либо о царях, везириях, волшебниках и чародеях, — перед нами люди одной эпохи, одного мировоззрения, одного общества.

Как большой портовый город, подобный Александрии, соединил пришельцев из разных стран, сплавил унаследованные им традиции древне-египетской и эллинистической культур с арабо-мусульманской, так Шахразада соединила в своих рассказах разноплеменных героев — арабов и индийцев, персов и жителей Китая. О чем думают эти герои, как поступают, каковы их идеалы?

Желая наставить царя Шахрияра и вместе с ним читателя (вернее, слушателя) на путь истинной добродетели, Шахразада рассказывает сказки и притчи, в которых говорится о том, каким должно быть человеческое общество, каким должен быть человек. Этот вопрос не нов. Еще Платон нарисовал «идеальное общество» в виде гармонического единства, и арабо-мусульманская культура, наследница греческой, восприняла основные положения греческой и эллинистической этики, на которые насадились элементы собственно мусульманские. В X веке аль-Фараби, называющийся, вслед за Платоном, идеальное общество «идеальным городом», определяет основные «добродетели» людей — членов идеального общества, в XI веке Ибн Мискавейх пишет этические трактаты и «заветы», призывая своих современников к самосовершенствованию и «смягчению нравов».

«Тысяча и одна ночь» посвящает этому повествование о царе Аздобахте и его десяти везириях, рассказ о Джиллиаде и Шимасе, множество коротких притч о животных.

Каковы же те этические идеалы, которых должен придерживаться слушатель, привыкший к сочетанию занимательного с дидактическим? Лучшая из добродетелей — сдержанность и терпение, говорит сказитель. Только единственно благодаря сдержанности не казнил царь Аздобахт своего сына, не узанного им, только благодаря терпению спасается человек, попавший в беду. Не менее важно и благоразумие, умение обуздать свои желания, стремление не быть рабом страстей. Так, царь Джиллиад, отличавшийся в детстве необычайным благоразумием, мудро правит государством. Но стоит ему изменить благоразумию, и подданные восстают против него, и лишь разум вновь выводит его «на путь добра». Сказитель призывает сильных мира сего: «Будьте справедливы, не притесняйте подданных, руководствуйтесь в своих поступках справедливостью и милосердием». Обычно

справедливость в «Тысяче и одной ночи» торжествует, злые цари лишаются престола, злые жены умирают лютой смертью, лицемеры и клеветники бывают разоблачены.

Но всюду ли? Шахразада беспристрастна. Рассказав о посрамлении живых старцев и о наказании, ниспосланном жестокому царю, она переходит к повествованию о хитрой Далиле и коварной Зейнаб, о «молодцах» — членах братства разбойников и грабителей Хасане-Шумане и Али-Зейбаке, юрком, словно ртуть, отчего и получил он свое имя.

И совсем другие добродетели ценятся в мире героев этих рассказов — не благоразумие, но хитрость, не сдержанность, но сила и напористость, не терпение, но безудержность желаний. В историях о «ловкачах» действие перехлестывает грани сказки, перенося нас в иной, реальный мир. Да разве похож халиф Харун ар-Рашид на «идеального» — мудрого и благоразумного правителя, пекущегося о благе своих подданных? Переодевшись, он ходит ночью по городу якобы для того, чтобы посмотреть, как живет народ, а на самом деле для того, чтобы удовлетворить свою необузданную и недостойную «швелителя правоверных» страсть к приключениям. А его могущественная супруга «госпожа Зубейда» нередко идет на преступление из ревности, проявляет неоправданную жестокость по отношению к своим невольницам, к Абу-Новасу, любимому поэту халифа.

Идеал не совпадает с действительностью, и Шахразада-сказочница, вернее, говорящий от ее имени сказитель не пытается примирить их, одно существует рядом с другим.

* * *

Но одна добродетель процветает везде, это — красноречие.

«В красноречивой речи — волшебство» — это изречение, взятое из Корана, было любимо арабскими средневековыми литераторами, утверждавшими, что «пророк» Мухаммед, основатель ислама, избран Богом главным образом из-за своего красноречия.

Ничем не гордились арабы так, как присущим им с древности даром слова. Опершись на посох, пастух-бедуин произносил вдохновенные стихи, прославляя свое племя; странствующий рапсоd хранил в памяти сотни стихов из древних поэм, помнил все подвиги кочевых племен, а рассказчик «народных романов», таких как «Жизнеописание Антарь», «Сказания о подвигах племени Бену Хнлал», «Жизнеописание царя Сейфа ибн Зу Язана», или вошедшие в сборник «Тысячи и одной ночи» «Повесть об Омаре ибн ан-Нумане», «Повесть об Аджибе и Гарибе», пользовались дошедшими до них издавна и освященными традицией формулами-описаниями. Сотни таких формул мы видим в повествованиях «Тысячи и одной ночи».

Слово здесь — могущественная стихия, оно подхватывает самые разнообразные сюжеты, известные нам и распространенные в фольклоре других

народов, — о волшебной одежде из перьев, чудесных предметах и превращениях, о злой жене и неверных братьях, — и облакает их в пестрый наряд, придающий им неповторимое своеобразие и отличающий от сказок других народов.

Где еще найдем мы подобное кружевное «плетение словес», орнамент синонимов и созвучий, мозаику рифмы, невымученной и естественной? Повествование льется легко и плавно, а там, где сказителю нужна рифма, он не задумывается над ней — ему помогают и необыкновенное лексическое богатство арабского языка, и многовековая традиция, донесшая до него ряд рифмующихся слов — двух, трех, четырех и более.

«Тысяча и одна ночь» являет собой яркий пример декоративности, присущей всем видам арабо-мусульманского искусства. Словесное оформление сюжетов так же красочно, как сверкающий золотом и лазурью орнамент восточных рукописей, мечетей, ажурных светильников, а кажущаяся беспорядочность рассказов сплавлена чудесной гармонией «красноречивого слова», объединившей разнородные и часто противоречащие друг другу части этого грандиозного свода в единое целое. И если в древнеарабской поэзии стихотворение начинается с постоянного зачина-воспоминания о покинутом кочевье возлюбленной, то и здесь любовные эпизоды, описания красавицы, цветущего луга, роскошного дворца всегда традиционны. Но это не лаконичные сказочные формулы русских сказок, а сложный узор рифмованных периодов со своеобразным ритмом, нигде не сбивающимся на ритмы прозы.

Сила «Тысячи и одной ночи» — в ее традиционности, ведь вдохновение сказителя сливается с восторгом слушателя, который заранее ждет знакомые слова, знакомые образы, знакомые рифмы, — и тем больше радость узнавания!

Может быть, часто сказителю важен даже не сам сюжет, а именно его словесное оформление, всегда новое, несмотря на традиционность, — ведь традиционные формулы скомпонованы всякий раз по-новому, по-иному, как в калейдоскопе из нескольких кусочков разноцветного стекла создается неисчерпаемое богатство узоров. Красноречие сказителя и, соответственно, его героев — результат не изучения научных трудов по грамматике, логике, поэтическому и ораторскому искусству, это наследственное профессиональное мастерство, перешедшее к рассказчику от отца и деда. Сказитель нуждается в записи лишь для того, чтобы восстановить в памяти порядок сказок, эпизодов, стихов (которые могут варьироваться в разных сводах «Тысячи и одной ночи»), — традиция подсказывает ему оформление этих эпизодов, будь то сцены разлуки и свидания, битвы и пира, описания красавца, красавицы или цветущего луга.

А в сознании его слушателя слово становится делом. Слушатель как бы переносит себя в сказку, сопереживание становится переживанием. Недаром сложены рассказы о слушателях приключений Антары и Сейф

аль-Мулука, которые, расставшись со сказителем, прервавшим повествование на самом интересном месте, не знали покоя и буйствовали всю ночь, пока разбуженный ими сказитель не досказывал эпизод до благополучного конца.

Красноречивый человек, кем бы он ни был — мудрецом-философом, юной рабыней, нищим бедуином или могущественным правителем, — неизменно вызывает уважение и восхищение. Красноречие ценится больше, чем богатство, чем деньги. Деньги можно быстро истратить, а красноречие остается навеки, деньги могут попасть в руки недостойному и невежественному человеку, красноречие — дар, достоящийся лишь немногим достойным.

Объединенные ярким искусством арабских народных сказителей, в «Тысяче и одной ночи» живут эмиры и султаны, ремесленники, купцы и «ловкачи». Каково же отношение к различным слоям общества, процветающего в мире этого грандиозного свода, кто его главный герой? Отвечая на этот вопрос, мы тем самым вернее всего определим, кем создана «Тысяча и одна ночь», кем выбраны из необозримого богатства средневековой арабской «ученой» и народной литературы отдельные повести и рассказы, вошедшие сюда, сказки, притчи и повествования о знаменитых людях арабской древности и Средневековья?

В Средние века в арабской письменной литературе были распространены книги типа «Зерцал», обращенные к царям и царедворцам, которым предписывался строгий этикет, давались рекомендации, как управлять подданными, как внушать уважение к власти. В эти книги включался также минимум сведений по основам всех известных в то время наук.

В «Тысячу и одну ночь» попало немало отрывков из «царских зеркал», в ее сказках и повестях действуют бесчисленные цари и султаны, правящие людьми и джиннами. Но все они сведены к нескольким типам — либо это настоящие «сказочные» цари (Синий царь, Красный царь, правитель Камфарной земли и так далее), либо бледные и невыразительные персонажи дидактических повествований, трактующих о неминуемости смерти, о пользе благоразумия и вреде поспешности, либо своевольные тираны вроде халифа Харуна ар-Рашида. Нет, не цари и везири истинные герои сказок.

Кто же подлинный герой «Тысячи и одной ночи», пользующийся всеобщими симпатиями? Ну конечно, это предприимчивый и отважный купец, открыватель новых земель и морей, которого влечет в путь не столько жажда наживы, сколько неуемная любознательность.

Во всех частях «населенного мира», как говорили средневековые арабские географы, — в Китае, Индии, Европе, на островах Индийского океана, — побывали великие арабские путешественники Ибн Баттута и Ибн Фадлан, оставив нам свои мемуары с описанием неведомых народов и земель, открытых ими для арабо-мусульманской науки.

А герой «Тысячи и одной ночи», неутомный Синдбад, переживает приключение за приключением. Тягот первого его путешествия хватило бы иному на всю жизнь, но Синдбад вновь и вновь пускается в странствия. Он без страха грузит свои товары на корабль, хотя не раз становился жертвой кораблекрушения. Отправляясь в дорогу, Синдбад не думает об опасностях, несмотря на то что его никак нельзя назвать бесстрашным. Но любознательность пересиливает страх, и Синдбад снова снаряжает корабль к таинственным островам, населенным гулями-людоедами, гигантскими птицами, неведомыми народами со странными обычаями.

По опасным дорогам пустыни, где путнику угрожают не только голод и жажда, но и свирепые и безжалостные бедуины-разбойники, ведет караван со своими товарами египетский юноша Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат — «владелец родинки». Правда, ему помогают святые-покровители, но в основном он надеется на себя — на свою ловкость, смекалку и удачу.

Сказитель не устает рассказывать нам о приключениях купцов. Они то приобретают сказочные богатства, добывая драгоценные камни невиданной величины, дорогие товары, серебро и золото, то оказываются нищими. Но они редко впадают в отчаяние, они борются до последнего. Из пещеры людоеда, мрачного подземного склепа, с затерянного в морях острова спасаются они благодаря своей поразительной жизненной силе и изворотливости. Все идет в ход — и хитрость, и обман, и убийство, — лишь бы выжить, сохранить свою жизнь для новых приключений. И сказитель восхищается этой неистребимой жизненной силой не меньше, чем красноречием, силой, идущей из народных глубин и вечной, как сам народ.

Не меньшей симпатией сказителя и, естественно, его слушателей пользуются ловкие и умелые ремесленники — башмачники, кожевники, цирюльники. Они не кажутся «маленькими людьми», в них нет никакой приниженности, угодливости, сознания своей незначительности. Мастер — почетное прозвище, и ремесленник гордится этим прозвищем и своим занятием не меньше, чем эмир своей властью.

«Ремесло угодно Богу и полезно людям» — так считали еще в IX веке арабские философы, называвшие себя «чистыми братьями». Не случайно поэтому, что в «Тысяче и одной ночи» постройка хорошей бани, изготовление удобного седла, окраска тканей в яркие цвета, неизвестные людям той страны, щедро вознаграждаются, а мастер становится приближенным царя.

И поэтому так восторженно описывает сказитель все перипетии «борьбы плутов» — Далилы и ее дочери Зейнаб и Хасана-Шумана и его ученика Али-Зейбака каирского.

С древности существовало на Ближнем Востоке своеобразное могущественное братство бродяг и плутов, которых насмешливо называли «сасанидами», по имени древней иранской династии Сасанидов, или «айяррами» — бродягами. Это братство было одинаково сильно в Иране, Ираке

и Египте, и народ рассматривал его членов как своих заступников, хотя нередко страдал от них. Далила, Зейнаб и Али превозносятся в «Тысяче и одной ночи» как «мастера хитрости и коварства», о их проделках рассказывается с упоением. Это настоящий апофеоз находчивости и хитроумия, жизненной, а не книжной «мудрости», умеющей извлечь для себя пользу в самом, казалось бы, безвыходном положении. Далила, привязанная за волосы к кресту, не только спасается, но и отнимает коня у доверчивого и простоватого бедуина, приехавшего в город, чтобы поесть пирожков в меду! Здесь не до идеальных добродетелей, не приходится думать о сдержанности, терпении, верности. Но меткое и красноречивое слово ценится в любых обстоятельствах — предводитель багдадских «молодцов» вызывает к себе из Каира Али-Зейбака стихотворным посланием!

Зато к «профессиональным военным» отношение сказителя в высшей степени скептическое. Воинские подвиги воспеваются лишь в «народных романах» или «народных повестях», где они отличаются гиперболизированным, сказочным характером. «И спшиблись всадники, как спшибаются две скаль», — начинает сказочник описание сражения, а затем идут традиционные формулы, звучная рифмованная проза, повторяясь от одного эпизода к другому почти без изменений. Слишком долго страдал народ от притеснений дейлемских, сельджуковских и прочих «мугагаллибов» — захватчиков, слишком ненавистными были для горожан военный кафтан, наглые ухватки халифских и эмирских гвардейцев, чтобы «аскари» — военный — стал героем какого-нибудь произведения «ученой» или народной литературы.

И если представители «феодалной интеллигенции» презирали людей, занимавшихся «военным ремеслом», как невежд и врагов всякой культуры, то крестьяне, купцы и ремесленники-горожане ненавидели воинов-чужеземцев, приносивших беду и разорение независимо от того, были ли они «друзьями» или врагами.

Без особого почтения относится сказитель и к представителям мусульманского духовенства — кадиям-судьям, имамам-проповедникам. Они часто оказываются корыстолюбцами и лжецами. Вместе с тем такие повести, как «Омар ибн ан-Нуман», «Мариам-кушачница», «Сейф аль-Мудук», «Хасиб и царица змей», насыщены мусульманской апологетикой. Но ислам здесь — «народная вера», противопоставляемая «чужеземной вере — поклонению кресту», которая в народном сознании отождествляется с опустошительными походами сначала византийцев, а потом — рыцарей-крестоносцев, а понятие «христианин» становится равнозначным представлению о враге-чужеземце, хотя в действительности среди коренных жителей Ирака, египтян, сирийцев, было немало христиан.

Мусульманин — это прежде всего «свой», христианин — «франк», чужак, враг. Ислам олицетворяет силы добра, а его противники, будь то язычники или христиане, — силы зла, и переход из одного лагеря в дру-

гой как бы автоматически перекрашивает героя или героиню из черного в белый цвет (христианка или язычница принимает ислам или христианин становится мусульманином). А уж среди мусульман есть люди получше и похуже, и отнюдь не всегда служители мусульманского культа оказываются лучшими. Они ведь богаты, а еще пророк сказал в одном из своих хадисов-изречений: «Я заглянул в рай и увидел, что большинство его обитателей — бедняки».

Вторая часть этого изречения пророка гласит: «Я заглянул в ад и увидел, что большинство его обитателей — женщины». Согласен ли сказитель с таким безоговорочным осуждением женщины? Более половины пестрого мира «Тысячи и одной ночи» — женщины, и женщине — Шах-разаде — обязаны мы тем, что познакомилась с этим миром.

И здесь также наше впечатление раздваивается. Мы видим страшное и уродливое рабство, делающее умную, образованную и прекрасную женщину товаром, правда, очень дорогим, приобрести который под силу только богатому человеку. Самое страшное то, что не только продавец и покупатель, но и сама девушка не относятся к рабству трагически, а воспринимают его как самый обычный факт, и невольница нередко даже предлагает своему владельцу и возлюбленному, оказавшемуся без гроша, продать ее.

Но с другой стороны, рабство и гаремная жизнь развили в женщине изворотливость, хитрость и силу, нужные ей для того, чтобы как-то сохранить свое человеческое достоинство. Очень часто женщина оказывается сильнее мужчины не только в обыденной жизни, но и в сражении. Ярче всего это проявляется в повествованиях «Тысячи и одной ночи», связанных не с «ученой», а с фольклорной традицией. Героиням «народных романов», как принято называть повести, подобные «Омару ан-Нуману», «Хасибу», «Мариам-кушачнице», всегда принадлежит инициатива, они ведут за собой мужчин, которые нередко представлены слабовольными трусами, теряющими сознание при виде вражеских воинов.

Женщина, пробивающая себе путь иногда даже обманом и плутнями, как хитрая Зейнаб, оказывается в конце концов верной подругой, достойной женой и плодотворной матерью, что является, по понятиям мусульман, «благословением Божиим».

А в роли обманутого простака, который становится жертвой хитрых горожан, чаще всего выступает бедуин, степняк-кочевник. Сказывается давняя вражда между «оседлыми и кочевыми арабами». Для горожан бедуин — чужой, и хотя они соглашаются признать бедуинское красноречие — недаром в «Тысяче и одной ночи» немало рассказов о красноречивых бедуинах, — но все же относятся к кочевникам свысока, высмеивая и их своеобразную речь (бедуины говорят о себе во множественном числе), и их характер, в котором жестокость и высокомерие уживаются с простотой и доверчивостью. Бедуин в их глазах — и носитель древних традиций гостеприимства, благородства, щедрости, красноречия, и вме-